

**К ВОПРОСУ О РОЛИ
МАЛЫХ СТРАН
В ПРОЦЕССАХ
ПЕРЕСТРУКТУРИРОВАНИЯ
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА
(На примере
Прибалтики)**

В. А. Смирнов*

Анализируется председательство Литвы в Европейском союзе в 2013 г. в контексте украинского кризиса, оценивается вклад других стран Прибалтики (Латвии и Эстонии — бывших республик СССР) в изменение соотношения сил на постсоветском пространстве, которые возглавят ЕС в 2015 и 2018 гг. Оценивая действия малых стран по продвижению программы «Восточное партнерство» с акцентом на антироссийскую повестку дня, автор делает предположение о том, что в перспективе они несут угрозу самому ЕС. Проблема в том, что ресурсом стран Прибалтики является не просто дипломатия — в роли ресурса для них предстает Россия, неизменно интерпретируемая ими как «агрессивный и непредсказуемый сосед», который несет «угрозу с Востока». Будучи более мобильными малые страны способны к более оперативной концентрации сил и средств на одном или нескольких ключевых направлениях. Это позволяет им играть на внешнеполитической конъюнктуре (даже если последствия таких шагов не просчитаны в должной мере), «питаться» от нее, подчас сознательно добиваясь формирования «конфликтных узлов» в отношениях между крупными игроками. Особенно это касается государств, не обремененных ответственностью за глобальную стабильность.

Ключевые слова: Прибалтика, Программа «Восточное партнерство», Литва, Латвия, Эстония, Украина, малые страны.

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 20.02.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-4-3

© Смирнов В. А., 2014

Кризисные события на Украине ставят на повестку дня вопрос об эффективности существующей системы сдержек и противовесов в международной сфере. В отличие от действий крупных геополитических акторов, «играющих» на украинском треке, действия малых стран, которые внесли

свою лепту в сегодняшнее положение дел на Украине, как правило, исключены из сферы исследовательского интереса. Речь идет о трех странах Прибалтики, после председательства одной из которых — Литвы — во второй половине 2013 г. ситуация на Украине и перешла, по сути, в «горячую» фазу. Из бывших советских республик Литва первая «возглавила» Европейский союз. Можно ли интерпретировать случившееся с Украиной именно в период литовского руководства ЕС как прецедент? Поиск ответа на этот вопрос подталкивает к необходимости анализа перспектив иных «постсоветских» председательств: Латвия будет председательствовать в ЕС уже в первой половине 2015 г., Эстония — в 2018 г.

Украинский «пожар», последовавший за литовским председательством в ЕС, заставляет внимательнее оценивать роль, которую Прибалтийские страны стремятся играть на постсоветском пространстве, все еще находящемся спустя почти четверть века после распада СССР в «подвижном» состоянии.

Статус «малых стран» (в понимании Р. Ротстайна)¹ определяет возможности, которыми располагают Литва, Латвия и Эстония. Российский политолог М. Ильин, предложивший типологию государств на основе идей Ж. Коломера [5], малые страны (мини-государства) характеризовал следующим образом: они имеют небольшие территорию и население, выраженный комплекс зависимости (хотя иногда и могут добиваться проведения относительно самостоятельной внешней и внутренней политики), а их приоритетная функция — «нюансировка» международных отношений [17]. Впрочем, нарастание в современных условиях взаимозависимости позволяет вести речь не только о «нюансировке», но и о более заметном влиянии на решения, действия более крупных стран. Однако, считает Ильин, все же занять самостоятельную позицию мини-государства не в состоянии: располагаясь вдоль силовых линий, которые создаются мега- и макрогосударствами, малые страны способны лишь в какой-то мере отклоняться от них, создавать более или менее широкие «полосы», «дуги», «сгустки» [16, с. 14].

Государства-лидеры обладают широким набором инструментов, используемых ими для достижения своих внешнеполитических задач и опирающихся на ресурсы военного, социально-политического, экономического, идеологического характера. М. Лебедева отмечает, что, од-

¹ Р. Ротстайн считал малую страну государством, которое «сознает, что не способно обеспечить собственную безопасность имеющимися у него возможностями и, следовательно, в основном должно опираться на помощь со стороны других государств, на различные институты, процессы и явления и т. п. Понимание малой страной собственного бессилия должно разделяться и другими государствами» [13, р. 29]. Можно сравнить с позицией Литвы накануне присоединения к ЕС: «Литва, являясь малой страной с ограниченными экономическими и демографическими ресурсами, не способна в одиночку эффективно реализовать свои интересы в сфере внешней политики и вопросах безопасности» (см. подробнее работу [9]). Накануне вступления Литвы в ЕС Линкявичюс был министром обороны, а в период председательства Литвы в ЕС в 2013 г. — главой МИД.

нако, даже крупным государствам не под силу использование всего спектра ресурсов (хотя бы в силу их высокой стоимости). Отсюда она, во-первых, фиксирует дрейф в сторону ресурсов социально-политического и гуманитарного характера, обращение к которым не столь затратно и позволяет распространять их с помощью современных технологий, а во-вторых, указывает на продолжающийся процесс дробления ресурсного потенциала, в рамках которого тот или иной «игрок», если ему не доступны все ресурсы или основные из них, сосредоточивается лишь на каком-то одном [19].

Функциональные возможности малых стран ограничены: буферная зона, дипломатический посредник, государство-барьер, геополитический шлюз, периферия [8]. Причем в силу окраинно-транзитного положения страны набор этих возможностей во многом является производным от действий ведущих держав. Эта мысль стыкуется с тезисом А. Богатурова о странах Прибалтики, которые, по его мнению, не сумели стать заметными участниками глобальной политики, но пытаются сформировать свой капитал (политический, идеологический, финансово-экономический) опосредованно — на отношениях между Россией и Западом, Россией и США, фактически «от них питаюсь» [15], используя с этой целью «конфликтные узлы» в отношениях.

В условиях ограниченности или отсутствия у малых стран каких-либо значимых для продвижения собственных интересов на международной арене ресурсов таковым становится дипломатия. Наиболее удобный инструмент — создание коалиций как по территориальному принципу, например неформальные консультации министров Балтийских и Северных стран («NB6 breakfast»), предшествующие каждому заседанию Совета по внешней политике ЕС, так и по проблемному [14] (именно малые страны считают необходимым удерживать проблематику программы «Восточное партнерство»² (далее — ВП) в топе повестки ЕС, и именно они же объединились в борьбе против назначения главы МИД Италии Ф. Могерини на пост главы верховного представителя ЕС по внешней политике в июле 2014 г.).

Е. Мотека и Н. Статкус указывают, что Литва, Латвия и Эстония придерживаются проамериканской геополитической ориентации, считая США основным гарантом собственного суверенитета, по двум основным причинам:

² Инициаторами программы «Восточное партнерство» были Польша и Швеция в 2009 г. Москве отвели роль наблюдателя, который может что-либо комментировать, но не вправе влиять на процесс. Необходимость создания ВП объяснялась событиями в Грузии в 2008 г. и газовым конфликтом России и Украины. Созданная программа нацелена на дальнейшее реструктурирование на постсоветском пространстве, декларируя ускоренное политическое сближение и экономическую интеграцию Евросоюза с Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной. Российское руководство считает бесперспективными основанные на логике «игры с нулевой суммой» проекты, трактуя их как способ противодействия интеграционным процессам с российским участием.

1) США не признали законность присоединения Литвы, Латвии и Эстонии к СССР;

2) США — противовес геополитическим устремлениям России в регионе Балтийского моря. В свою очередь, США рассматривают страны Прибалтики как «клин» между Европой и Россией, а также как «агентов влияния» в Евросоюзе (наряду с иными странами Центральной и Восточной Европы). Несмотря на все возможные издержки от выполнения данной роли, политическая элита Литвы считает проамериканскую ориентацию лучшим сценарием, чем ее отсутствие вовсе либо замена на исключительно проевропейскую [11].

Проблема подобной «двойной лояльности» [4] (необходимости действовать в русле общеевропейской линии, вырабатываемой наиболее влиятельными еврограндами, но в то же время подтверждать приоритетность атлантического вектора своей внешней политики³) определяет специфический стиль поведения политической элиты Литвы, Латвии и Эстонии на международной арене, который применительно к постсоветскому пространству деградировал от статуса буферной зоны к роли провокаторов. Особенно рельефно эта роль проявилась в рамках украинских событий, последовавших за провалом Вильнюсского саммита государств — участников программы «Восточное партнерство» в ноябре 2013 г. Вильнюсский саммит стал тем «спусковым крючком, после нажатия которого на площадях украинской столицы прогремел общественно-политический выстрел» [21].

Тезис о восточной политике Евросоюза как о «настоящей геополитической борьбе с Россией за влияние в общем соседстве» [12] был воспринят Литвой задолго до того, как она «возглавила» ЕС. Для литовской политической элиты, не менявшейся (за незначительным исключением) со времен Саудиса, свойственно именно такое алармистское восприятие России, основывающееся на подмене понятий: «проевропейский — значит антироссийской». Это умножается особым, «миссионерским» восприятием Литвой своей роли в процессах политических трансформаций на постсоветском пространстве. Например, один из лидеров ведущей литовской партии «Союз Отечества — Литовские христианские демократы» премьер-министр А. Кубилюс в 2007 г. презентовал подготовленную им Стратегию сдерживания России (в 2014 г. представил уже обновленный вариант). Она базируется, в частности, на тезисе о том, что усиление присутствия США в Европе приведет к вытеснению России, а также на вере в то, что «Литва вместе с соседями и США в этом регионе должна стать архитектором новой политики соседства». В 2004 г., когда Литва присоединилась к Европейскому союзу, было принято соглашение, одобренное ключевыми парламентскими политическими партиями, в котором прописывались цели внешней политики Литвы до 2008 г., в их

³ Характерным примером такой политики служит встреча лидеров Литвы, Латвии и Эстонии с президентом США Б. Обамой в августе 2013 г. в Вашингтоне, в ходе которой неоднократно подчеркивалась «геостратегическая важность» евроинтеграции Украины и успешности Вильнюсского саммита (см. подробнее: [10]).

числе запуск демократических процессов на Украине, в Беларуси, Молдове, государствах Южного Кавказа, а также в Российской Федерации, особенно в Калининградской области [2]. В межпартийном соглашении на 2008—2012 гг. Литва предлагает себя уже на роль хаба для региональных совместных инициатив и центра для продвижения евроатлантических ценностей. При этом содействие дальнейшему расширению ЕС и НАТО с фокусом на Беларусь, Молдову, Украину и страны Южного Кавказа является первым приоритетом в перечне ключевых внешнеполитических задач, здесь же указывается и на особое значение восточной политики европейской политики соседства, а также недвусмысленно дается понять, кто из соседей угрожает безопасности [3]. Последний аналогичный документ датируется 29 марта 2014 г., и в нем собрано все: России припоминают Сталина (именно так, просто по фамилии), обвиняют в агрессии против Украины, попытках пересмотреть историю XX в., сломать систему международных отношений и т. д. и т. п. О таких «мелочах», как «демократия в Калининградской области», не упоминается — широта замаха уже совсем иная: все фокусные страны «Восточного партнерства» Литва намерена сблизить с сообществом евроатлантических государств в «ускоренном режиме». Такие обязательства официальный Вильнюс взял на себя до 2020 г. [1]

Латвия и Эстония движутся аналогичным курсом, но вместе с тем не имеют столь ярко выраженных претензий на лидерство в вопросах выработки сценариев развития постсоветского пространства. Источником опасности Литва, Латвия и Эстония неизменно указывают Россию и сожалеют, что так и не смогли, оказывая всяческую поддержку режиму М. Саакашвили (спустя всего несколько лет грузинский президент будет обвинен в серии уголовных преступлений, репрессиях, финансовых махинациях, но властные круги Прибалтийских республик предпочтут этого не заметить) «открыть Европе глаза»⁴ на «российскую агрессию» против Грузии. Эстонский политолог А. Касекамп полагает, что грузинские события стали своего рода «парадигмальным сдвигом» для эстонцев, однако не произвели такого же впечатления на еврограндов, расценивших попытки прибалтийских политиков укрепить поддержку Грузии как поощрение безрассудства. Он, однако, считает, что дальнейшая работа с фокусными государствами программы «Восточное партнерство» должна быть продолжена, с этой целью в Таллине с 2011 г. под эгидой Эстонской дипломатической школы и при поддержке МИД действует Центр восточного партнерства, занимающийся обучением чиновников и дипломатов из стран ВП [7].

Ежегодные потери стран Прибалтики из-за столь политизированных отношений с Россией, по экспертным оценкам, составляют 9—10% от ВВП их стран. Для Эстонии и Латвии потери за четыре послед-

⁴ Еще более агрессивную позицию прибалтийские республики заняли во время украинского кризиса, с настойчивостью провокаторов подталкивая лидеров ЕС к максимальному ухудшению отношений с Россией, а НАТО — к «адекватному ответу».

них года оцениваются примерно в 10,1 млрд долларов, для Литвы, старающейся задавать тон внешней политике Прибалтийских республик, — больше 15 млрд долларов. Манипулируя «страхом перед Россией», страны Прибалтики становятся генераторами недоверия, причем не только по отношению к соседствующим с Евросоюзом странам, но и между членами самого ЕС (который изначально строился именно на принципах доверия, взаимосвязи и взаимозависимости) [20].

Показательна инициатива Латвии по реформированию программы «Восточное партнерство», озвученная за год до председательства страны в Европейском союзе. В Риге, похоже, не осознали, что «Восточное партнерство» из программы, несущей стабильность и процветание фокусным государствам, превращается в источник геополитической турбулентности и несет прямую угрозу устойчивости государственности целевых стран. Наоборот, там, видимо, стремятся пойти по пути литовских элит, добившихся максимального ухудшения отношений своей страны с Россией по итогам председательства в ЕС. Рига предложила сделать США ключевым участником восточной политики Евросоюза и превратить «Восточное партнерство» в «Евро-Атлантическое восточное партнерство», обещая фокусным странам перспективу полноценного членства в ЕС [6]. Присоединение США к формату «Восточного партнерства» в качестве ключевого участника резко повышает конфликтный потенциал этой программы, отгесняя ЕС на периферию политической активности на постсоветском пространстве.

Непродуманность, поспешность⁵ действий и заявлений прибалтийских политиков на международной арене (зачастую нарочито arrogantных, нацеленных не на поиск развязок, а на создание «конфликтных узлов» и оперирующих упрощенными идеологизированными схемами) указывает на то, сколь искривленно может восприниматься дипломатия как ресурс, что, в свою очередь, свидетельствует о посредственном качестве политических элит⁶ этих окраинных государств.

⁵ Как это было, например, при поспешной поддержке плана США по нанесению удара по Сирии в сентябре 2013 г.

⁶ В этом смысле справедливое замечание делает М. Кавешников: «Системная проблема, которую малые страны создают для мирового порядка, связана с разрывом между, с одной стороны, возросшими возможностями малых стран и, с другой стороны, характерным для многих малых стран отсутствием стратегического видения и ответственности, потребительскими настроениями и низким качеством политической элиты». Диагностируя провинциализм как «состояние ума» правящих элит ряда малых стран, он говорит о том, что политики Польши и Прибалтики, осознавая ограниченность своего влияния в рамках ЕС, используют легкий способ для увеличения собственной значимости — рисуя отношения РФ — ЕС как постоянную эскалацию противостояния, они претендуют на статус первой «линии обороны» от «зла с Востока» [18]. Это наблюдение является совершенно точным — достаточно ознакомиться с заявлениями ключевых прибалтийских политиков за последние десятилетия. Нет смысла перечислять наиболее заметные из них, все они похожи как близнецы — «враг у ворот».

От дальнейших «постсоветских» председательствах стран Прибалтики в ЕС было бы уместно ожидать усугубления степени «токсичности» политики «сдерживания» России на фоне продолжающихся попыток «перекраивания» постсоветского пространства с использованием практик «холодной войны», что в конечном итоге входит в противоречие со стратегическими интересами Европы. Такого рода действия малых стран способны генерировать новые риски для европейской системы безопасности. Это оказывается тем более возможным, чем сильнее нарастает неустойчивость, нестабильность международной системы. Малые страны мобильны, они способны к более оперативной концентрации сил и средств на одном или нескольких ключевых направлениях, что позволяет им, используя качели «двойной лояльности», играть на внешнеполитической конъюнктуре. Причем не просто «питаться» от нее, а стараться действовать зачастую на опережение (даже если последствия таких шагов не просчитаны в должной мере), подчас сознательно добиваясь формирования «конфликтных узлов» в отношениях между крупными игроками. Особенно это касается государств, не обремененных ответственностью за глобальную стабильность, — в их случае черта между просто быстрым реагированием на изменения на мировой сцене и внешнеполитической авантюрой, откровенно провокационной политикой становится условностью, которой можно легко пренебречь.

Список литературы

1. *Accord* between the political parties represented in the Seimas of the Republic of Lithuania on strategic guidelines for the foreign, security and defence policy of the Republic of Lithuania for 2014—2020 // Сейм Литвы : [сайт]. URL: http://www3.lrs.lt/pls/inter/w5_show?p_r=4028&p_d=146140&p_k=2 (дата обращения: 02.02.2014).
2. *Agreement* between political parties of the Republic of Lithuania on the main goals and objectives of the state foreign policy for 2004—2008 // Там же. URL: www3.lrs.lt/docs2/QSJEWLHW.DOC (дата обращения: 02.02.2014).
3. *Agreement* of the Political Parties of Lithuania on Foreign Policy Principles, Strategic Guidelines, and Goals of Lithuania for 2008—2012 // Там же. URL: www3.lrs.lt/docs2/EKWJDONY.DOC (дата обращения: 02.02.2014).
4. *Budryte D.* The Dilemma of «Dual Loyalty»: Lithuania and Transatlantic Tensions // *Old Europe, New Europe and the US* / ed. by T. Lansford, B. Tashev. Ashgate, 2005.
5. *Colomer J.M.* Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. L. ; N. Y., 2007.
6. *Foreign* Minister Rinkēvičs urges to transform Eastern Partnership into Euro-Atlantic Eastern Partnership // МИД Латвии : [сайт]. URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/news/press-releases/2014/march/23-1/> (дата обращения: 23.03.2014).
7. *Kasekamp A.* Estonia: Eager to Set an Example in Europe // *The New Member States and the European Union: Foreign Policy and Europeanization* / eds. M. Baun, D. Marek). L., 2013.
8. *Laurinavicius C., Motieka E., Statkus N.* Baltijos valstybiu geopolitikos bruožai. XX amzius. Vilnius, 2005.

9. *Linkevicius L.* Membership of NATO is the Impulse for Reforms // Lithuanian Annual Strategic Review 2002. Vilnius, 2003. P. 7—16.

10. *Lithuania* and the United States enter a new stage of strategic cooperation. 30.08.2013 // President of the Republic of Lithuania : [сайт]. URL: http://lrp.lt/en/press_center/press_releases/lithuania_and_the_united_states_enter_a_new_stage_of_strategic_cooperation.html (дата обращения: 25.07.2014).

11. *Motieka E., Statkus N.* Global and Baltic Geopolitical Situation: Review of 2001—2003 // Lithuanian Annual Strategic Review 2003. Vilnius, 2004. P. 9—39.

12. *Raik K.* Lithuania's Presidency Gamble: The Activeness of Vilnius is Pushing the EU's Eastern Partnership Forward // Finnish Institute of International Affairs. 2013. Nov.

13. *Rothstein R.* Alliances and Small Powers. N. Y., 1968.

14. *Ruse I.* The Bargaining Power of Territorially Constituted Institutionalised Coalitions in EU Council Negotiations // Journal of Contemporary European Research. 2012. Vol. 8, № 3. P. 319 - 339.

15. *Богатуров А.Д.* Искушение Рейганом. Лимитрофы становятся значимым фактором в политике США на российском направлении // Независимая газета. 2006. 22 мая.

16. *Ильин М.В.* Альтернативные формы суверенной государственности // Сравнительная политика. 2011. №3 (5).

17. *Ильин М.В.* Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. 2008. №4.

18. *Кавешников Н.Ю.* Малые и вредные? // Международные процессы. 2008. Т. 6, №3 (18).

19. *Лебедева М.М.* Ресурсы влияния в мировой политике // ПОЛИС. Политические исследования. 2014. №1. С. 99—108.

20. *Отношения* России и стран Прибалтики: от упущенных возможностей к реальным перспективам: аналитический доклад / ред. Н.М. Межевич ; Факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2013. URL: www.sir.spbu.ru/news/?id=703 (дата обращения: 25.07.2014).

21. *Федор* Лукьянов: «Восточное партнерство» закончилось // Российское общество политологов : [сайт]. URL: <http://politmos.ru/724-fedor-lukyanov-vostochnoe-partnerstvo-zakonchilos.html> (дата обращения: 23.03.2014).

Сведения об авторе

Вадим Анатольевич Смирнов, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: vsmirnov@kantiana.ru

THE ROLE OF SMALL COUNTRIES
IN POST-SOVIET TERRITORIAL RESTRUCTURING:
THE BALTIC CASE

V. Smirnov*

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on August 5, 2014

This author analyses the 2013 Lithuanian presidency of the EU in the context of the Ukrainian crisis and evaluates the contribution of Latvia and Estonia (the former Soviet republics set to preside over the EU in 2015 and 2018) to the shift in the power balance in the post-Soviet space.

Through assessing the actions of small countries in promoting the Eastern Partnership programme with an emphasis on the anti-Russian agenda, the author concludes that they will inflict harm on the EU in a long-term perspective. These former Soviet republics no longer rely on mere diplomacy, but resort to a whole new problematic narrative, where Russia is described as an “aggressive and unpredictable neighbour” that poses the “threat from the East.” Being more mobile, small countries are able to concentrate power and resources in one or several key areas. This makes it possible for these countries to take advantage of international politics (even if the consequences of such steps are miscalculated) and “feed” on it through — sometimes consciously — creating “conflict nodes” in the relations between major players. This is especially true in the case of states that do not bear responsibility for global stability.

Key words: Baltics, Eastern Partnership, Lithuania, Latvia, Estonia, Ukraine, small states

References

1. Accord between the political parties represented in the Seimas of the Republic of Lithuania on strategic guidelines for the foreign, security and defence policy of the Republic of Lithuania for 2014—2020, 2014, *Parliament of the Republic of Lithuania*, available at: http://www3.lrs.lt/pls/inter/w5_show?p_r=4028&p_d=146140&p_k=2 (accessed 31.08.2014).
2. Agreement between political parties of the Republic of Lithuania on the main goals and objectives of the state foreign policy for 2004—2008, 2004, *Parliament of the Republic of Lithuania*, available at: www3.lrs.lt/docs2/QSJEWLHW.DOC (accessed 31.08.2014).
3. Agreement of the Political Parties of Lithuania on Foreign Policy Principles, Strategic Guidelines, and Goals of Lithuania for 2008—2012, 2008, *Parliament of*

the Republic of Lithuania, available at: www3.lrs.lt/docs2/EKWJDONY.DOC (accessed 31.08.2014).

4. Budryte, D. 2005, The Dilemma of «Dual Loyalty»: Lithuania and Transatlantic Tensions. In: *Lansford, T., Tashev, B. (eds.). Old Europe, new Europe, and the US: Renegotiating transatlantic security in the post 9/11 era*, Aldershot, Hants, Ashgate.

5. Colomer, J.M. 2007, *Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State*, L., N. Y.

6. Foreign Minister Rinkēvičs urges to transform Eastern Partnership into Euro-Atlantic Eastern Partnership, 2014, 23 March, *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia*, available at: <http://www.mfa.gov.lv/en/news/press-releases/2014/march/23—1/> (accessed 31.08.2014).

7. Kasekamp, A. 2013, Estonia: Eager to Set an Example in Europe. In: *Baum, M., Marek, D. (eds.). The New Member States and the European Union: Foreign Policy and Europeanization*, London.

8. Laurinavicius, C., Motieka, E., Statkus, N. 2005, *Baltijos valstybiu geopolitikos bruožai. XX amžius*, Vilnius.

9. Linkevicius, L. 2003, Membership of NATO is the Impulse for Reforms, *Lithuanian Annual Strategic Review 2002*, Vilnius, p. 7—16.

10. Lithuania and the United States enter a new stage of strategic cooperation, 2013, 30 August, *President of the Republic of Lithuania*, available at: http://lrp.lt/en/press_center/press_releases/lithuania_and_the_united_states_enter_a_new_stage_of_strategic_cooperation.html (accessed 25.07.2014).

11. Motieka, E., Statkus, N. 2004, Global and Baltic Geopolitical Situation: Review of 2001—2003, *Lithuanian Annual Strategic Review 2003*, Vilnius, p. 9—39.

12. Raik, K. 2013, *Lithuania's Presidency Gamble: The Activeness of Vilnius is Pushing the EU's Eastern Partnership Forward*, Finnish Institute of International Affairs, Nov. 2013.

13. Rothstein, R. 1968, *Alliances and Small Powers*, Columbia University Press, New York, p. 29.

14. Ruse, I. 2012, The Bargaining Power of Territorially Constituted Institutionalised Coalitions in EU Council Negotiations, *Journal of Contemporary European Research*, Vol. 8, no. 3, p. 319—339.

15. Bogaturov, A. D. 2006, Iskushenie Rejganom. Limitrofy stanovjatsja znachimym faktorom v politike SShA na rossijskom napravlenii [Temptation Reagan. Border states are becoming a significant factor in US policy towards Russia], *Nezavisimaya Gazeta*, no. 99 (3779).

16. Ilyin, M. V. 2011, Al'ternativnye formy suverennoj gosudarstvennosti [Alternative forms of sovereign statehood], *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics], no. 3 (5), p.14.

17. Ilyin, M. V. 2008, Vozmozhna li universal'naja tipologija gosudarstv? [Is a universal typology of states?], *Politicheskaja nauka* [Political science], no. 4.

18. Kaveshnikov, N. Yu. 2008, Malye i vrednye? [Small and harmful?], *Mezhdunarodnye processy* [International processes], Vol. 6, no. 3 (18).

19. Lebedeva, M. M. 2014, Resursy vlijanija v mirovoj politike [Resources influence in world politics], *Polis* [Policy], no. 1, p. 99—108.

20. Mezhevich, N.M. (ed.), 2013, *Otnoshenija Rossii i stran Pribaltiki: ot upushhennyh vozmozhnostej k real'nym perspektivam* [Relations between Russia and the Baltic countries, from missed opportunities to real prospects], available at: www.sir.spbu.ru/news/?id=703 (accessed 31.08.2014).

21. Rekada, S. Fedor Luk'janov: «Vostochnoe partnerstvo» zakonchilos' [Fyodor Lukyanov: "Eastern Partnership" has ended], 2014, *Rubaltic. Ru*, available at: <http://politmos.ru/724-fedor-lukyanov-vostochnoe-partnerstvo-zakonchilos.html> (accessed 31.08.2014).

About the author

Dr Vadim Smirnov, Senior Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: vsmirnov@kantiana.ru